

Маленький педагогический декамерон

Евгений БУНИМОВИЧ, более двадцати лет преподаёт в школе. Заслуженный учитель России. С 1997 года депутат Московской городской Думы, где курирует вопросы культуры, искусства и образования. Удостоен премии Союза журналистов России.

Первый урок

Друзья звонили в панике. Что делать: учительница, исправив две ошибки в тетрадке сына-первоклассника, крупно, красным фломастером написала: «Свинья!» Причём первоклашка Саня никак не реагировал, не расстроился, из чего в общем-то следовало, что у него в классе это нормальная форма диалога учителя с учеником.

Растерянная мама назавтра пошла в школу: может, всё-таки учительница сгоряча брякнула, а теперь надо найти какой-то способ извиниться перед ребёнком...

Извиниться? Перед ребёнком? Да вы что, с дуба рухнули? Учительница во всей мудрости нашей педагогической психологии объяснила неразумной мамаше: «Это же я ему стимул создаю!»

Вот свинья! (Это уже я ей, учительнице, стимул создаю.)

Мама набралась мужества и пошла с тетрадкой к директору, где её вежливо выслушали, проявили понимание и ответили в стиле генералов МВД на пресс-конференции: «У нас уже были сигналы... Анализируем информацию. Ситуацию держим под контролем. Будут приняты адекватные меры».

...Да нет, что вы, учительницу никто и не подумал из школы гнать. Саню в параллельный класс перевели. Приняли адекватные меры...

Второй урок

Давно это было, лет тридцать назад. Можно уже считать педагогической легендой.

Войдя с утра в класс, замотанная своими собственными неурядицами учительница литературы Наталья Васильевна с криком напустилась на ученицу, которая распустила свои пышные, роскошные волосы, вместо того чтобы по законам тогдашней комсомольской аскезы заплести их в положительную косу или уж на худой конец завязать в конский хвост. В довершение этой распущенности на лице ученицы были явно заметны следы косметики. Наталья Васильевна громогласно отправила её в туалет — отмыть всю эту мазню. Девчонка с рыданиями выскочила из класса.

На следующий день Наталья Васильевна вошла в класс и, прежде чем перейти непосредственно к лучу света в тёмном царстве, извинилась перед ученицей. Просто извинилась — каким-то бесцветным, нормальным, непедagogическим голосом... А ещё день спустя Наталье Васильевне передали книгу Корнея Чуковского с автографом писателя: «Первому советскому учителю, извинившемуся перед своим учеником».

Третий урок

Это был один из первых приездов группы американских школьников в Москву, на розовой заре перестройки. Среди экзотической заокеанской группы явно выделялась Дженифер, два года спустя завоевавшая титул «мисс Джорджия».

Она без видимых усилий воплощала всю мощь именно американской голливудской красоты — с ослепительной улыбкой и сияющими распахнутыми глазами. Возле неё равно теряли дар речи милиционер на Арбате и молодой монах в Сергиевом Посаде. Кстати, на Арбате мы её в первый раз и потеряли. Отыскал я Дженифер в центре круга, который образовали рисовавшие её арбатские художники и обступившая эту международную культурную акцию толпа зевак.

Но пару дней спустя её потеряли уже всерьёз. После школьной дискотеки, когда все

разъезжались по домам, Надя, у которой жила Дженифер, обнаружила, что её ослепительной подруги нет и никто не знает, когда, куда и с кем она ушла. «Кондратий хватил» как американских учителей, не без колебаний решившихся привезти своих детей в экс-империю зла, так и наших, которых только-только первая волна гласности накрыла жуткими сводками криминальных происшествий. Ребята тоже нервничали, никто не расходился по домам, звонили в милицию, в больницы, всем школьникам, которые были на дискотеке. Два часа спустя Дженифер наконец обнаружили — она уехала с дискотеки на вечеринку с самыми крутыми троечниками нашей образцовой гимназии.

Френ, учитель литературы и руководитель группы, взяла трубку, чтоб поговорить с Дженифер. Ну, сейчас будет воспитательный момент, подумал я, Дженифер грозит не меньше, чем строгий выговор! И никогда не забуду первую фразу учителя: «Дженифер, я знаю, что ты очень хорошая девочка. Но ты заставила нас волноваться»...

Не надо думать, что все заокеанские учителя так поступают в подобных переделках. Всё-таки Френ, как выяснилось позже, была выбрана учителем года в своей Джорджии.

И, ей-Богу, после первой фразы этого телефонного разговора я бы тоже проголосовал за Френ.

Как писал когда-то Николай Гумилёв, «кричит наш дух, изнемогает плоть, рождая орган для шестого чувства»... Не иначе как для чувства собственного достоинства.

Четвёртый урок

Ещё на перемене ребята мне сказали, что Дима Усенок научился классно подражать Преснякову-младшему.

На уроке математики с его деловой атмосферой, проходя мимо Димы, который не мог справиться с задачей, я вдруг в приступе какого-то учительского псевдодемократизма предложил ему:

— Может, ты лучше spoёшь нам? Говорят, у тебя это здорово получается...

И тут же почувствовал, как это неуместно, унижительно для него, для меня, для всех.

Положение спас Дима, мгновенно среагировав и легко поставив меня на место:

— Усенок в неволе не поёт!

Класс засмеялся, и я начал диктовать вечную задачу про бассейн, где совершенно непонятно с какой целью через одну трубу вода вливается, а через другую — выливается...